Ком. правда - 1991 - 9 сент. - с. 5

«Не быть поспешным в гневе...»

Писатель Владимир Максимов размышляет над редакционной почтой.

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Особенно в России, где литература всегда была и остается (надолго ли теперь?) мерилом общественной температуры, учителем жизни и духовным поводом. Казалось бы, что уж такого сверхординарного или из ряда вон выходящего произошло в Риме, где в октябре минувшего года состоялась встреча представителей советской культуры со своими коллегами, оказавшимися по разным причинам в эмиграции?

Наше общество явно устало от распрей и междоусобиц и тянется к примирению как к единственной сегодня возможности услышать друг друга.

Нагляднее всего эту тенденцию можно проследить по читательским письмам.

Начну с наиболее негативного отклика из города Грязи Липецкой области от рабочего Александра Зубова:

«Господин Максимов! Прочитал «Римское обращение» в «Комсомольской правде» от 23 октября и знаете как мне стало смешно. «Римское обращение» — слова какие придумали! Обращение к кому? И главное начало «Мы, писатели и общественные деятели». А я переведу на русский, простой язык: «Мы, элита элитарного искусства». Да что мы знаем о вас и вашем искусстве, мы, простые работники вечной Империи.

Неизвестный хотел мемориал строить из бетона в Воркуте из миллиона тонн бетона. Лучше бы дороги замостить и назвать «В память репрессиям». Это вообще по русским меркам — мемориал из горы бетона, к которому приехать можно лишь на танке, на машине не подъедешь. Шемякин занимался вроде бы нашими пленными «афганцами», ну и что? Денег, что ли, не хватило выкупить.

«И здесь мы видим особую роль интеллигенции» — роль пролетариата в классовой борьбе за права трудящихся.

Три ха-ха. Гражданская война в СССР? Она уже идет давно — за кусок мяса, за пачку воюющих денег, за теплое место, за место у «кормушки». Да вообще неплохо вы это придумали, взяли и собрались в Риме, в Италии. Поболтали, поговорили об умных вещах заумными фразами. Благо валюта есть, как говорится, «капуста хрустит».

«К преодолению нравственного нигилизма». Господин Максимов, что Вы там видите из Парижа. Да и в Москве что видели из нашей русской жизни? Да и сами-то что Вы в этой советской своей жизни думаете, во что верите? Мне бы Ваши заботы. Тоже мне, диссиденты, борцы за права человека. Какие права и какого человека — это другой вопрос. С пролетарским приветом из самой большой Зоны в мире (где одним все можно, а другим ничего абсолютно нельзя) Александр Зубов, 32 года, рабочий».

Поверьте, мне понятна надсадная горечь автора этого письма. Тяжелая и низкооплачиваемая работа, выматывающий душу ежедневный быт, атмосфера взаимной озлобленности вокруг, а тут некоторые «элитарные дяди и тети» комфортно толкуют в сказочном Риме о разных и, на взгляд моего корреспондента, отвлеченных материях. Поневоле возопиешь: мне бы ваши заботы!

Но, во-первых, я сам в прошлом рабочий, получивший лишь начальное образование, сын и внук рабочих, себя ни к какой элите причислить не могу. Мое участие в римской акции как раз и было продиктовано желанием посылить помочь содействовать разрядке в стране социальной напряженности, от которой страдают прежде всего малообеспеченные слои населения.

Не выглядит убедительным и его упрек в адрес Михаила Шемякина. Большой русский художник потратил много времени и средств, чтобы в

конце концов вырвать из афганского плена ту, пусть небольшую группу наших солдат, какую ему удалось освободить.

Не могу также без чувства протеста принять совет автора Эрнсту Неизвестному передать бетон, отпущенный ему на сооружение монумента жертвам репрессий в Воркуте, на строительство дорог. Социально соблазнительный, но гибельный путь противопоставления материальных ценностей духовным уже привел нас к тому, к чему мы пришли.

Несколько лет назад один итальянский коммунист, стоя рядом со мной перед собором Святого Петра в Риме, тоже сетовал на то, как дорого обоилась эта красота трудовому народу, и сожалел, что средства эти не пошли в свое время на улучшение его жилищных условий. Наши отечественные умники того же толка взорвали храм Христа Спасителя и разобрали его затем на полезные кирпичи, но, увы, москвичам в подвалах и коммунаках не стало от этого просторнее и теплее.

Давайте же, дорогой Александр, восстанавливать наше человеческое бытие в тесном сочетании прекрасных памятников с не менее прекрасными дорогами! Тогда, я уверен, у нас что-нибудь да наладится.

Что же касается места встречи (наиболее, кстати сказать, распространенная претензия к организаторам), то мы исходили из того, что только на нейтральной территории стороны способны будут услышать друг друга, тем более в такой чуткой к нашим проблемам аудитории, как итальянская.

Теперь, когда первый диалог уже состоялся, основополагающий документ единогласно подписан и достигнута полная договоренность о проведении следующей встречи в Ленинграде, я, пользуясь случаем, официально, от имени

«Континента», приглашаю Александра Зубова принять в ней равноправное участие.

Остальные письма я бы подразделил на четыре основные категории. Первая от тех, кто предлагает мне свои литературные опыты. Не в состоянии ответить на каждое такое письмо в отдельности, я направляю их в московский филиал нашей редакции.

Вторая категория, самая многочисленная, содержит различного рода личные просьбы: просьбы о материальной и медицинской помощи. Честно говоря, у меня лично и у «Континента» в целом не такие уж большие возможности, чтобы удовлетворить все эти просьбы, но хочу заверить моих корреспондентов, что с помощью моих коллег по комитету «Национальное согласие» буду всячески содействовать их по возможности благополучному удовлетворению.

К третьей категории я отношу письма с конкретными проектами и предложениями. В настоящее время я и мои коллеги во встрече в Риме заняты поисками возможностей реализации предложений.

И, наконец, категория четвертая — письма солидарности с программой и целями Римской встречи. Одно из них мне хочется привести целиком:

«Я не знаю, каким должно быть слово, чтобы остановилась поднятая в злобе рука, но знаю — оно должно быть произнесенным. Вы произнесли ваше Римское слово, и — дай Бог — не будет разбито в кровь лицо, непохожее на мое, не будут сожжены комнаты и полотенца, непохожие на наши, не будет разорен виноградник, выращенный в ладонях грубее ладолей моего отца. Но разве только у нас, разве только на наших запущенных землях вспыхивает ненависть к неродному облику, к неродному цвету, к неродной речи? Разве только здесь, у нас, ослеп-

лены ею? Нет. Я учитель, и вижу спасение в детях, в диалоге с детьми, в любви к ним, в накоплении этой любви.

Хочу верить, что здесь, в классных комнатах, научимся сами и научим любить ближних, не отличая грека от еврея, здесь научимся быть свободными (свободные не умеют ненавидеть). Но как сделать? Я не знаю ответа, я ищу.

И предчувствую: в начале — мне и каждому учителю (и всякому учителю) не быть поспешным на гнев. Не гордиться (гордые не умеют любить), а научиться — поступок к поступку — мудрому смирению. Удовлетвориться тем, что есть, и не унижать неба над челом. И еще: не позволять себе погрузиться в неживые воды отчаяния, потому что отчаяние — бессмысленно. Это не новое слово. Это старые слова. Это заросшие сором крепкие ступени, ведущие к жизни, к согласному и достойному бытию. Я, кажется, нашел и склонился, и с трудом очищаю начальную ступеньку, освобождая ее от жалеющей травы обмана и не любви. И вот услышал ваши слова, и обрадовался.

Александр Федорук».

Да, сегодня мы связываем свои надежды с нашими детьми, нам, во всяком случае моему поколению, уже не дано увидеть «небо в алмазах», слишком тяжелой была выпавшая нам ноша и слишком долгим оказался наш путь к самим себе, но я убежден, что уже сейчас мы способны, если того захотим, отказать от «обмана и не любви», чтобы дать идущим за нами увидеть мир таким, каков он есть на самом деле. И единственным залогом этого преобразования должно стать согласие в нашем общем доме, даже если мы будем существовать каждый в своей квартире, ибо имя этому дому — Земля.

Париж, январь 1991 г.